

DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-34-44

УДК 39(470.40)(=22)+811.22'373.21

ББК Т521(=521)(2Рос-4Пен)+Ш12=521.29*03*316.1

Г.Е. КОРНИЛОВ

О БУРТАСАХ И БУРТАСОНИМАХ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ (историко-этнологический аспект: спорное и бесспорное)

Ключевые слова: Пензенский край; Волжская Булгария; буртасы; венгры/мадьяры; чуваш; буртасонимы на *-вис/-ис*; болгарско-чувашские языческие имена, постфиксы *-мис*, *-ис*.

Книга М.С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» явилась событийным комплексным анализом названий «природно-географических и других ландшафтных объектов Пензенской области», основанным «на архивных источниках 17–18 веков», на «отказных книгах, хозяйственных описаниях», «Экономических примечаниях к материалам Генерального межевания, картографических источниках 18–19 вв.», охватившим буртасскую, мордовскую, тюркскую топонимию «северного участка бывшего «Дикого поля», Верхней Суры, юго-восточной части Мещеры и Верхнего Прихопровья».

Заслуживая высокой оценки в целом, допуская последующие переиздания для учащихся, студентов, краеведов и преподавателей гуманитарных дисциплин, книга, разумеется, нуждается в обсуждении частностей, в уточнении отдельных выводов и утверждений.

Цель исследования – ввести в ходе прочтения книги М.С. Полубоярова «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» некоторые ускользнувшие от автора данные и оценить предлагаемые им отдельные конкретные интерпретации так называемых буртасонимов, географических названий, в основном – потамонимов, оставшихся на карте Пензенского края якобы от буртасов, загадочного народа, о происхождении и судьбе которого ученые продолжают горячо спорить по сей день.

Материалы и методы. Основной источниковой базой исследования послужили историко-географические данные, инвентаризованные автором книги «Древности Пензенского края в зеркале топонимики», а также историко-этимологические и ономастологические словари, справочники, публикации предшественников. Основным методом исследования является историко-генетический метод, предполагающий привлечение исторических источников и критическое использование результатов их рассмотрения предшественниками; апелляция к данным справочников и разнообразных словарей.

Результаты исследования. В статье устанавливается неоднозначность следующего утверждения: Буртасским апеллятивом, семантически близким термину «вода, река», является *-ис*, на его основе в Пензенском крае сложились 22 названия: Катмис, Колдаис, Умыс, Чипурус, Шелемис, Шуист (от истока Суры до Пензы); Качаис, Кондраис, Маис, Старый Колдаис, Чаис (от верховьев до устья р. Инзы); Катмис, Курмыс (правые притоки р. Суры); Широкоис (приток р. Исса), Шеркаис (бассейн р. Муромки), Атмис, Варезка (!), Шелдаис (верховья р. Мокша), Атмис (приток р. Ушинки в бассейне р. Буртас), Кермис, Печенвис; на Тамбовщине: Большой Ломовис, Колаис. Постфикс *-ис* восходит к венг. *viiz* (в оригинале *viz* «вода, река»), в котором под влиянием татарского языка был утрачен анлаутный *v-*, который, однако, сохранился в двух потамонимах: Ломовис и Печенвис.

На самом деле, в части перечисленных имен вычленяется не *-ис*, а *-мис* (Кат-мис, Шеле-мис, Ат-мис) или *-мыс* (Кур-мыс), а Ломовис допускает вариативное членение: Ломов-ис (фамилия Ломов) и Ломо-вис (с предполагаемым *-вис<*-виис<*-вииз<viz*). Кроме того, постфикс *-ис* образует не только потамонимы, но и довольно широко представлен в производных антропонимах, в частности, только в словаре В.К. Магницкого «Чувашскія языческія имена» обнаруживается более трех десятков мужских «языческих» имен на *-ис* различного происхождения.

Выводы. Инвентаризованные М.С. Полубояровым потамонимы Пензенского края на *-(в)ис* требуют дополнительного сравнительно-исторического анализа в более широком историко-лингвистическом и историко-этнологическом контексте.

Введение. Незатухающий интерес научной общественности к проблемам этно-, глотто- и топонимического деления делает постоянно актуальными поиски новых данных по вопросам исторических судеб прежде бесписьменных тюркских и финно-угорских народов Восточной Европы в рамках I тысячелетия и 1-й половины II тысячелетия новой эры. Среди других особенно занимательным выглядит исторический факт территориального разрыва угорской ветви финно-угорской семьи народов, в результате которого часть из них проживает сегодня в Зауралье (ханты и манси), другая часть – в Подунавье (венгры-мадьяры). Считается, что перемещение угорских предков венгров было поэтапным, они по пути в *Паннонию* неоднократно оседали где-то в *Подонье*, в *Поднепровье* и т.д., но достаточно показательных следов их временных локаций еще не найдено, что делает соответствующие поиски до сих пор актуальными. Не последнее место в этих поисках занимают географические названия предположительно угорского происхождения, требующие, однако, всестороннего, непредвзятого анализа, что возможно только в условиях диалогов и полилогов, публично организованных представителями разных этнологических и ономастических научных школ.

Материалы и методы. Основной источниковой базой исследования послужили историко-географические данные, инвентаризованные автором книги «Древности Пензенского края в зеркале топонимики», а также историко-этимологические и ономастические словари, справочники, публикации предшественников. Основным методом исследования является историко-генетический метод, предполагающий привлечение исторических источников и критическое использование результатов их рассмотрения предшественниками; апелляция к данным справочников и разнообразных словарей.

Новизна данной статьи в том, что в ней использованы неучитываемые предшественниками факты и представлены дополнительные этимологические решения.

Цель исследования – дать объективную оценку выводам оппонента о возможности восхождения постфикса *-us* в ряде географических названий Пензенского края к венгерскому географическому номенклатурному термину *víz «вода, река», используя дополнительные данные и рассматривая их в несколько ином аспекте.

Результаты исследования. Сегодня можно однозначно признать, что главным исследователем истории и состояния географических названий Пензенского края является Михаил Сергеевич Полубояров, а наиболее информативным трудом по названной теме следует назвать опубликованную вторым изданием и широко представленную в Интернете его замечательную книгу «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» [13], содержащую как обширное и достаточно самостоятельное теоретическое введение «Мир древних топонимов» [13. С. 3–40], так и довольно обширный историко-этимологический словарь, последовательно привлекающий как историко-архивные материалы, так и историко-географические сведения, учитывающий доступные сведения по славянским, тюркским, финно-угорским и некоторым другим языкам [13. С. 42–216].

I. В границах теоретического введения прежде всего внимание привлекает призванная дать «наглядное представление о пластах культур и языков, отраженных в гидронимии Пензенского края», таблица, «в которой хронологически выстроены археологические культуры и соответствующие им языки общения» [13. С. 17].

Всего выделено 9 пластов археологических культур и соответствующих им этносов и языков, начиная с эпохи III–II тысячелетия до н.э. [волосовская, имерская, археологические культуры, не могущие быть названными племена, говорившие предположительно на диалектах «финско-пермского языка-основы»] и кончая современным периодом «с 17 века по настоящее время» (этносы: русские, мокша, эрзя, татары-мишари, чуваша, соответственно языки: русский, мокшанский, эрзянский, татарский, чувашский).

Нас прежде других в данном случае заинтересовал седьмой пласт [VIII–XIV вв., археологические культуры не названы, этносы: буртасы, мокша; языки: буртасский (мадьярский, изменившийся на чувашский; к XIV в. – кипчакский), мокшанский]. К сожалению, М.С. Полубоярову осталось неизвестным, как и большинству исследователей, что служилых чувашей было принято называть татарами [14. С. 31], так что далеко не все пензенские татары по происхождению кипчаки, но в данном случае это поправимо.

По мнению М.С. Полубоярова, «седьмой топонимический пласт добавил к старым древнемордовским названиям рек средней протяженности ... от 100 до 200 км: *Арчада, Атмис, Инза, Исса, Кадада, Сердоба* ... буртасы жили в составе Волжской Булгарии ... прибыли в Пензенский край в 9 или 8 веках из Хазарии ... построили десятки городов-крепостей ... расположение в *Засурье, Заузинье*, на правых берегах *Выши* и *Вада* ... Волжская Булгария оставалась в тылу их крепостей ... буртасы защищали ее дальние рубежи от рязанцев и *Степи* ... В 1293 г. буртасские земли захватил ордынский князь *Бехмет*, произошло отделение *Буртасии* от *Булгарии* ... За 400 лет обитания в *Посурье* буртасы не могли не оставить следов в топонимии ... Ш.З. Бахтиев видит в буртасах народ хазаро-булгарского происхождения, чувашей ...» [13. С. 22–23].

Согласно А.Х. Халикову, «достаточно длительные контакты мадьяры имели с буртасами в 9 веке, когда двигались в *Паннонию* и остановились на *Среднем Дону* ... соседство предков буртас с венграми было настолько тесным и длительным, что имя *мадьяр* нередко, очевидно, переходило и на *буртас* ...» [13. С. 24].

Далее М.С. Полубояров вводит в речевой оборот термин *буртасоним* (имя, данное буртасами, или имя, происходящее из языка буртас? – Г.К.) и делает заключение: «Поскольку *буртасонимы* входят в класс речных имен, они должны иметь компоненты, семантически близкие к понятиям «река», «вода» ... буртасы, жившие в эпоху развитого феодализма, не могли не оставить ... *владельческих названий* ... не случайно в ряде буртасонимов просматриваются языческие чувашские мужские имена: *Казарка, Кяндя, Мамадыш, Черыкайка* и т.д. ... они могли закрепиться в период ... *Волжской Булгарии*, когда *местные феодалы носили древние булгарские личные имена* ... Больше неоткуда взяться *чувашизмам под Пензой*» [13. С. 26] (Выделено курсивом нами. – Г.К.).

... На основе буртасского языка сложились гидронимы с окончаниями *-ис, -дым, -дим, -дюм, -дом* ... Буртасским апеллятивом, семантически близким термину «вода, река», является *ис*. Таковых на территории области насчитывается 22 ... Они локализируются четырьмя кустами ...: (1) **верхнесурский** – от истоков Суры до Пензы (*Шелемис, Катмис, Умыс, Колдаис* ..., *Шуист, Чипурис*); **сурско-инзенский** – от верховьев до устья *Инзы* (*Старый Колдаис, Кондраис, Маис, Чаис, Качаис*) ... среди правых притоков Суры – реки *Катмис* и *Курмыс*; (3) **иссинско-верхнемокшанский** (*Исса*, ее приток *Широкоис, Шеркаис* – бассейн Муромки, *Атмис, Варейка, Шелдаис*); (4) **вышинско-буртасский**

(*Атмис* – приток *Ушинки* в бассейне *Буртасы*, *Кермись*, *Печенвиса*) ... тамбовские реки *Бол. Ломовис* и *Колаис* ... [13. С. 27].

... вероятность принадлежности *ис*-овых гидронимов к буртасонимам усиливает наличие в тех местах буртаских городищ и самой реки *Буртас* ...

В ... *-ис* мы видим остаток венгерского *вииз* («вода, река»). В чистом виде он сохранился в названии речки *Печенвиса* и ... *Ломовис* ... Переход *вииз*>*вис*>*ис* ... обусловлен татарским влиянием ... В татарском исключается мягкое *в* в начале слова ...

Присутствие венгерского апеллятива в гидронимии края подкрепляет аргументацию тех, кто в предках буртасов видит мадьяр ... [13. С. 28–29].

II. Все это выглядит вполне убедительно. Действительно, в башкирском и татарском языках не только «исключается мягкое *в*- в начале слова», но вообще отсутствуют незаимствованные слова с *в*-анлаутом, башкиры и татары в русской речи склонны заменять *в*- на *б*-, говорить *багон/багун* вместо *вагон* и т.д. *В*-анлаут из всех тюркских допустим в природной лексике только чувашского языка (*вité, vílém, vir, vit* и т.д.), но и то – не перед *-е-* (*ве-* возможно в основном в русизмах и мариизмах). Даже в диалектах татарского языка все зарегистрированные на сегодня слова с *в*-анлаутом представляют собой заимствования, в абсолютном большинстве – из русского языка или через русский, часть – из чувашского языка (*вак* «мелкий», *ваткыч* «щипцы для сахара», *вызлату* «науськивать», *выргыту* «выбрасывать/выбросить», *вэке* «прорубь»), изредка – звукоизображения-имитативы (*варкылдау* «крякать», *вэч-вэч* «оклик для овец» и т.д.) [17. С. 111–114]. Ср. [23. S. 525–528].

Но что касается двух слов – *Ломовис* и *Печенвис* – абсолютно убедительным из них выглядит только одно, а именно – *Печенвис*, в основе которого допустимо мокш., эрз. *пиче* «сосна», *пичень* «сосновый» (см. в Мордовии: *Печелейка* [б. С. 49], *Печеней* [б. С. 19, 164, 217, 231], *Пичилейка* [б. С. 161], *Пичинейка* [б. С. 19, 20], *Пичингуши* [б. С. 118, 161, 164, 216], *Пичинейя* [б. С. 222] и т.д.), хотя и напрашивается возможный архетип современного чув. *пёч(ч)ен* «один(окий), обособленный и т.д.», *пёч(ч)ен: пёр~* «один единственный» и т.д.), а *вис* можно возводить к аллоформе венг. *вииз* «вода», «река», в оригинале *víz* (долгий *í*), родственное фин., эст. *vesi*, одного происхождения с индоевропейскими параллелями праславянского *вода* [21. Т. 3. С. 1166в–1167а]. Не может быть и речи о том, чтобы *Печенвис* членить не *Печен-вис*, а скажем *Печенв-ис*; ни в одном языке Поволжья немисливо искать апеллятив **печенв* по причине невозможности предполагать ауслат в виде сочетания двух сонорных *-нв*. Другое дело – *Ломовис*, в составе которого нет препятствий усматривать восточнославянскую фамилию *Ломов* на базе одного из трех значений апеллятива *лом* («металлический стержень для ломания», «вышедшие из употребления металлические предметы», «лом: буре~; лесные завалы стволов и сучьев»), тем более, что М.С. Полубояров склонен сам в большинстве топонимов видеть следы «владельческих» антропонимов (см. последний абзац на с. 26: «... *буртасы*, жившие в эпоху развитого феодализма, не могли не оставить после себя *владельческих названий* ...» [13. С. 26]). Сделанное в *Словаре* [13. С. 120] предположение о восхождении потамонима *Ломовис* к «древнефинно-угорской основе **лаймо* – «долина пойма» (Так! – Г.К.) выглядит как «подтягивание к заданному». Термин **лаймо* содержит нисходящий дифтонг *-ай-*, который не предполагает монофтонгизации *-ай->-о-* (следует найти хотя бы один живой пример, а вот монофтонгизацию *-ай->-а-* можно продемонстрировать

случаями: *Новое Бадиково* (рус.), оно же *Од Байдеку* – мокшанское село в Zubovo-Полянском р-не Мордовии [6. С. 158a]; *Подайкеево/Подакеево* – русская деревня в Темниковском р-не Мордовии [6. С. 176б–177a], в восточнославянских регулярна монофтонгизация *-ай->ä>е*, ср. лит. *кайна* ~ вост.-слав. *цѣна* ~ рус. *цена*). Кроме того, реконструкция **лаймо* «долина, пойма» при реальном мокшанском диалектном *лайма* «ил, тина», общемокшанский: *лайме* «долина, луг», *лайме* «черемуха» (дерево), без широких балтийско-финских и волжско-финских параллелей не может претендовать на статус «древнефинно-угорской основы».

По крайней мере, мокш. *лайма* «ил, тина» вполне убедительно просится в ряд: чуваш. *лăйма* «слизь; ил, тина; крахмал», башк. *лай* «тина», татар. *лай* «ил, тина; грязь», в других тюркских – «глина; грязь, ил; муть; слизь и под.», монгольские – *лаи*, *ла*, *лай*; калмык. *ла* «ил; (глинистое) болото», все из персид. *лай* «ил, тина, отстой; осадок в речной воде», «грязь на дне воды», тадж. *лой* «грязь», см. В.Г. Егоров [5. С. 126], М.Р. Федотов [19, С. 333]. Ничто не мешает нам допустить расширения всего круга перечисленных основ за счет индоевропейских параллелей праславянского **liti* (> рус. *лить*, *лю*), родственного лит. *lieti* «лить», см. М. Фасмер [18. Т. II. С. 504], откуда связанные чередованием рус. *-лой*: *на~* «ливень», *-лой*: *за~* «затопленное место» [18. Т. II. С. 513]; рус. *-лой*: *с~*, род. п. *слѡя*, укр. *слій*; словен. *slòj* «грязная лужа; горный пласт, залежь», чеш. *loj* «слой, залежь, пласт» и т.д. Первоначально «сливаемое» – **sъlojъ* [18. Т. III. С. 674]. М. Фасмер, III, с. 41: **Налой II** «ливень, верхний слой воды». От *на* и *лой*: *лить*. М. Фасмер, II, С. 76: **Залой** «затопленное водой место»; из *за* и *лой* (см.) от *лить*.

Не может быть никаких сомнений в том, что из перечисленного круга производящих корней происходят столь употребительные в *Поочье*, *Посурье* (и *Поволжье* в целом) географические номенклатурные термины: мокш. *ляя* «ре(ч)ка», *ляень* «речной», *ляень вель* «речная вода» (мокш. *вель*, венг. *вииз*, рус. *вод(а)* – родственные основы); эрзян. *лей* «река», *леень чудема* «течение реки»; тюркские параллели чуваш. *йейӱ* «разлив реки» типа: башк. *йәй-*, татар. *жәй-* «разливаться, растекаться, расплываться» и т.д. [5. С. 61; 19. Т. I. С. 141–142] демонстрируют закономерное аналогичное соответствие **й-ль-**.

Таким образом, потамоним *Печенвис* приходится признать уникальным среди всех 22 названий на *-ис*, столь добросовестно и наглядно инвентаризованных автором замечательного труда «Древности Пензенского края в зеркале топонимики» [13]. Но является ли этот единственный пример достаточным основанием считать окончание *-ис* в остающихся названиях (их 21) восходящим к **вис<*вииз*?

Нам мыслится, что в одних случаях это, возможно, так, а в других – нет.

III. Прежде чем перейти к конкретике, к критическому анализу положений каждой отдельной статьи, посвященной тому или иному потамониму из числа остающихся 21, укажем на общую причину наших некоторых сомнений. Дело в том, что окончание *-ис* регистрируется не только в топонимии, но и в антропонимии. М.С. Полубояров, увлеченный «владельческими названиями», широко использует знаменитую книгу В.К. Магницкого «Чувашскія языческія имена» [9], но не обращает внимания на обилие содержащихся в ней антропонимов на *-ис*, в связи с чем нам представляется уместным дать их полный перечень в инверсионном порядке с указанием страниц: *Самаис* (73), *Погис* (68), *Хведис* (90), *Юнеис* (96), *Ирчемис* (46), *Момис* (59), *Иванис* (40), *Уванис* (88),

Ахванис (30), Унхванис (89), Охванис (64), Юванис (96), Денис (36), Тинис (82), Охинис (64), Вайнис (35), Отхонис (63), Янис (99), Арис (29), Пабарис (64), Байбарис (32), Тойбарис (83), Албарис (26), Ямбарис (97), Енбарис (38), Тонбарис (85), Парис (65), Ишпарис (48), Тарис (80), Обрис (60), Борис (34), Оприс (62), Топрис (85), Патрис (66), Ятрис (101), Ярис (100), Батис (33), Яис (97) [7, 9].

Среди исчерпывающе перечисленных 38 антропонимов (мужских языческих имен, бытовавших среди чувашей во второй половине XIX в. н.э.), в первую очередь, бросаются в глаза пришедшие из русской речи *Борис* (усечение слав. *Борислав* [16. С. 131]), другую точку зрения см. [8. С. 245–252], и *Денис* (от церк. *Дионисий* < греч. *Дионисиос*) [16. С. 165], имеющие окончание *-ис* в русском первоисточнике.

Варианты *Парис* и *-парис*: *Иш*~ явно восходят к русскому акающему *Барис* (*-о->-а-* в 1-м предударном слоге) с закономерным для чувашской речи оглушением анлаута *Б->П-*. Аналогичен случай с *Тинис*, восходящим к *Денис* (*-е->-и-* в 1-м предударном слоге, «московское произношение», оглушение анлаута *Д->Т-*).

В восьми случаях (*Байбарис*, *Тойбарис*, *Албарис*, *Ямбарис*, *Енбарис*, *Тонбарис*, *Ишпарис*, *Пабарис*), скорее всего, имеем результаты татарского влияния (отсутствует оглушение звонкого губного *Б-*, *-б-* как в анлауте, так и в инлауте; *-барис* выступает в качестве определяемого постпозитивного компонента составного антропонима, образованного методом словосочетания; препозитивным компонентом-определением являются татарские: *Бай*-<*бай* «господин, хозяин», «богатырь» [11. С. 59]; *Той*-/*Туй*-< *той*/*туй* «празднество, торжество, радость» [11. С. 238]; *Ал-* 1) компонент араб. собственных имен типа *Ал*:- ~ *-Амин*, *Ал*:- ~ *-Бади*, *Ал*:- ~ *-Бурхан* и т.д., или 2) татар. *ал* «алый, розовый»; возьми (императив) [11. С. 37, 308]; *ям*-< *ям* «красота», ср. *Ямбарс* [11. С. 299]; *Ен*- < татар. *ен* < араб.-перс. *джан* «душа», «милый», ср. *Енали*/*Джанали* [11. С. 93, 103]; *Иш*- < татар. *иш* «друг, спутник», ср.: *Ишбай*, *Ишбарс* и т.д. [11. С. 127]; *Тон*-<*тан*- «дар, подарок», «рассвет, зря» [11. С. 231].

Загадочным представляется антропоним *Пабарис*, в котором 1-й компонент *Па-* не имеет объяснений из тюркских языков.

Любопытен вариант *Иванис*, вариант русского имени *Иван*, приведенный, но не объясненный у А.В. Суперанской [16. С. 192], имеющий тюркизированный вариант *Юванис* (см. выше); каков статус *-ис* в составе *Иванис*, остается неясным, это собственный суффикс, например, с уменьшительно-ласкательным значением, или это результат подражания иностранным именам собственным и нарицательным типа балт. *Бурбулис*, *Лацис*, *Чюрлёнис*, латин. *Australis*, *val-lis*, др.-прус. *zikis*, греч. *Каркинитис*, *Гипанис* и т.д. Неожиданными выглядят варианты: *Ахванис* и *Охванис*, явные (чувашские или русские просторечные) «переделки» антропонима *Афанасий* (греч. *Атанасиос* < *атанатос* «бессмертный»), в их числе *Унхванис* с загадочным инфиксом *-н-*, придающим имени ложноэтимологическое значение *Ун/Он Хванис* «10 Хванисов» (!), или «Его Хванис» (<Ун-ән Хванис?). Не исключено, что к рус. *Афанасий* восходит и чуваш. *Охинис*. К *Иванис*, *Юванис* примыкает вариант *Уванис*, результат утраты анлаутного *й-* (цепочка искажений: *Иванис* > *Юванис*/*Йуванис* > *Уванис*). Результатом преобразования по аналогии, разумеется, является (нерегистрируемый известными нам русскими ономастиконами) чувашский вариант имени *Федор* (греч. *Теодорос* «Божий дар») в его уменьшительно-ласкательном варианте: *Фёдя* > чуваш. *Хведя́* > *Хведи́с*. Вопрос далеко не праздный:

откуда этот постфикс *-ис*, это чувашизация или тот же источник, что и у однозначно русского *Иванис*?

IV. Попробуем завершить беглый обзор остающихся имен, перечислив их уже не в инверсионной последовательности, а в порядке прямого алфавита: *Арис*, разг. *Арист* (греч. *Арес* «Бог войны») [11. С. 216]; *Батис* (рус. *батя* «отец», но имеется и чувашское прозвище *Патис* на основе русского названия ткани *батист*, «любил батистовые рубашки»); *Вайнис* (от немецкого *вайн* «вино», *Вайнер* – распространенная фамилия, букв. «Винодел»), *Момис* (чуваш. прозвище на основе *мыма*, диал. *мумал/мома* «нечто мягкое, пушистое; тина, ил»); *Обрис/Оприс* от *Абросим/Обросим* (греч. *амбросиос* «бессмертный») [11. С. 96, 255]; *Охтонис*, *Охинис* < *Афоня*, *Афанасий* (греч. *атанатос* «бессмертный») [11. С. 122], *Патрис* (латин. *патернус* «отцовский») [11. С. 269], ср. всемирно известное Патрис Лумумба; *Погис* (?); *Самаис* < *Самуил* (др.-евр. *Шемуэл* > греч. *Самуэл* «Шем есть бог» [11. С. 293]; *Тарис* < *Тарс(ей)* (перс. *тарса* «христианин») [11. С. 311]; *Топрис* (рус. *Добръ* – краткое прилагат. от *добрый*); *Юнеис* < *Юний* (лат. родовое имя *Юниус*) [11. С. 347]; *Янис* < латыш. *Ян* (соответствие рус. *Иван*) [11. С. 349]; *Яис* (?); *Ярис* < др.-рус. *Яр* «весна», «пыл, огонь, разгар», ротацированный вариант тюрк. *Яз*, болг.-чув. *Џор/Џур* «весна», герм. *Jahr*, венг. *Уяр* «весна; лето», «год»; *Ятрис* < *Ятр*:- ~овка, рус. устар. «жена деверя, шурина или брата», или «утроба» [4. Т. 4. С. 1588].

Из перечисленных выше следует обратить особое внимание на два соответствия в исходе имени звукосочетаний *-ис* и *-ист*, см.: *Арис* и *Арист*, *Батис/Патис* и *батист*; подобное упрощение в диалектном просторечии встречалось ранее в границах апеллятивной лексики, особенно в русской речи нерусских граждан России, ср., с одной стороны, произношение: *тръктарис* вм. *тракторист*, *мъшинис* вм. *машинист*, *фашиис* вм. *фашист* (в наименовании лиц по профессии, специальности или принадлежности к какой-либо группе), с другой стороны, произношение: *плечис* вм. *плечист*, *речис* вм. *речист*, *душиис* вм. *душист* (в полных формах качественных прилагательных).

V. Перечисленное выше не призвано опровергнуть гипотезу М.С. Полубожова в целом, мыслилось лишь то, что проблема постфикса *-ис* в границах русской ономастологической и апеллятивной лексики не может считаться решенной во всем объеме и в достаточной глубине. В составе потамонимов, называющих ручьи, речки, реки, на первый взгляд, вполне естественно (а, может быть, даже необходимо) усматривать в качестве определяемого географического номенклатурного термина компонент со значением «река, вода; поток, приток и т.п.», но в реальности, в живом употреблении, соответствующие номенклатурные термины опускаются, мы говорим: *Волга*, *Дон*, *Ока*, *Сура* и т.д., хотя языковая норма требует говорить: *Волга-река* (ср. в песне: *Волга-речка*) или *река Волга* (чтобы было ясно, что это не наручные часы «Волга», не гостиница «Волга» и т.д.), *Дон-река* или *река Дон*, *Ока-река* или *река Ока*, *Сура-река* или *река Сура*. Когда в устной и письменной речи субстратный географический номенклатурный термин выходит из употребления и забывается, появляется возможность переосмыслить по-прежнему функционирующее в языке-адстрате / в языке-суперстрате определение, например, *Ирчемис сырми* «Овраг Ирчемиса», утратив определяемый номенклатурный термин *-сырми* «овраг-его», представленный уже одним определением *Ирчемис*, легко членится по новой *Ирчем-ис*, при этом ничто не мешает усматривать в этом постфиксе *ис* результат упрощения *-вис*<*-виис*< венг. **víz* «вода, река», хотя на самом

деле следует членить *Ирче-мис* и, возможно, рассматривать в ряду с *Ат-мис*, *Кат-мис*, *Чер-е-мис* на базе балт.-фин. *mīs, ср. эст. *tees* «мужчина; человек», суоми *mies* «мужчина, человек; муж, супруг; люди», карел. *mies* «мужчина, человек; братец; братишка; голубчик» (заимствованные из германских типа лив. *miez* «мужской пол») [22. С. 279а], при этом чуваш. *ирче* представляет собой более древнюю форму современного *ирсе* [ирЗ'е] «мордвин-эрзя»; этноним сокращен из словосочетания *тир ирси*, букв. «кожемяка» (*ир-<*är-* «мять», *-се<*че/-ча* – общетюркский суффикс, образующий имя деятеля; *тир* «кожа, шкура»).

Соответственно, *Ат-: ~мис* – результат утраты анлаутного *й-* (о случаях утраты *й-*анлаута см. [2. С. 160, 189, 231]), ср. тюрк. *йат* «чужой; иностранец», эрзян. *ят* «враг», «чужой» (заимствовано из тюрк.), возводимо к *Иатмис, или к *Ат мис с препозитивной эрзянской (диалектной) отрицательной частицей *ат-* «не», ср. *ат стака* «не трудный / не трудно» [20. С. 62а]. Ср. появление анлаутного *й-*: *ясы/йасы* в самоназвании народа *ас(ы)* на русской и венгерской почве.

Название правого притока Суры – *Катмис* нереально членить *Катм-ис*, оно естественно распадается на *Кат-мис*, где *Кат* < тюрк. *кат* «крепкий; твердый; сильный»; «сухой; тощий», «скупой» [19. С. 385–386].

Этноним *черемис* содержит в себе первым компонентом *чер-*, соответствующий чуваш. *çар-* в составе *çармăс*, в других тюркских *чер-/чар-* «войско, армия; военный» (ср. тур. *янычар* «новая армия») [19. С. 86], в целом – *черемисы* означает «воины» и по происхождению вовсе не этноним.

Выводы. М.С. Полубояров, увлеченный идеей В.А. Никонова [12. С. 30] о том, что «в эпоху развитого феодализма» «владельческие названия» (т.е. названия, восходящие к антропонимам. – Г.К.) «оказались главным различительным признаком», довольно уверенно возводит к именам личным даже названия таких значительных рек, как *Сердоба* [13. С. 169], *Пенза* [13. С. 148–150] и нек. др., но не допускает мысли, что, например, потамоним *Буртас* может тоже восходить не к этнониму, а к антропониму на базе этнонима (ср. отэтнонимные антропонимы: *Араб* [11. С. 44], *Казак* [11. С. 131], *Нагай/Нугай* [11. С. 188], *Парс* [11. С. 195], *Сарт(ак)* [11. С. 218], *Таджик* [11. С. 229], *Узбек* [11. С. 243], *Хазар* [11. С. 260], *Шам* [11. С. 283] и в других языках), вопреки тому, что большинство географических названий с компонентом *буртас* (чуваш. *пăртас* [põrDás]) исследователи все же возводят к этнониму [10. С. 177; 15. С. 51–60]. При этом рассмотренные выше потамонимы на *-ис*, названные М.С. Полубояровым буртасонимами, с учетом приведенных нами антропонимов на *-ис* (типа *Иван-ис* и др.) также могут подозреваться в цельнооформленном (включая *-ис*) отантропонимном происхождении, если не все, то хотя бы в значительном числе, в связи с чем перед возможным третьим изданием предварительно рассмотренной нами книги не была бы излишней дополнительная полемика по каждому из 22 географических названий.

Корректирующее дополнение. С потамонимом *Буртас* [3. кв. 32–33, Е-12] не все так просто. Если его членить *Бурт-ас* и усматривать в 1-й части *фьрт* «сын», у В.И. Абаева [1. Т. I. С. 500] *fьrt/furt* (иранское слово, собственно осетинское *лæппу* имеет значения «мальчик; молодой человек»), а во 2-й части *ас* (венг., др.-рус. *йас*) – этноним (предполагается одно из названий алан-осетин), то буквальное значение получается *Сын аса / Аса сын, Асич*, патроним, ср. азерб. *Ибрагим оглу* «Сын Ибрагима», «Ибрагима сын», «Ибрагимыч»;

рус. *Сын Петра, Петрич*; нем. *Абрамзон* «Сын Абрама», «Абрамыч», странновато представлять себе название реки, равное отчеству: *река Асич, река Ибрагимыч, река Абрамыч* ...В словосочетании *Река Буртас, Буртас-речка*, или в случаях *Буртаска, Буртасица* в рамках русской речи все выглядит нормально, но в субстратном *Буртас* далеко не все однозначно.

Гораздо убедительнее в *Бурт-:* ~ас видеть осет. *fürd/ford* «большая река» [1. Т. I. С. 485] и весь этноним понимать как «речные асы», «поречане», и видеть здесь кальку тат., мар. *сувас*, где сув «вода, река», плюс *ас* – этноним, возможно, вариант аз, ротицирующая параллель булг.-чув. *ар* (<*är) «человек, муж(чина)», т.е. кыпчакскому *суваз соответствует булг.-хазар. *сувар*.

В старом русском языке этнонимы употреблялись преимущественно во множественном числе: *буртасы, чувашы, черемисы* и т.д., **родительный падеж принадлежности** при этом **количественно совпадал с именительным единственного**: *речка/река буртас* (в современной речи должно быть – *река/речка буртасов*), *селение/селения чуваш*, *черемис* (в современной речи должно – *селение/селения чувашей, черемисов*), так что в полной форме по-тамонима *Река Буртас* компонент – *Буртас* исторически воспринимался как пребывающий в форме родительного падежа множественного числа!

Литература

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV. М., 1958–1978.
2. *Алишина Х.Ч.* Исторический ономастикон сибирских татар: монография. Тюмень: Печатник, 2016. 576 с.
3. Атлас мира. М.: Гл. управл. геодезии и картографии МВД СССР, 1954.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Четвертое, исправленное и значительно дополненное издание. СПб.; М.: Издание т-ва М.О. Вольф, 1911. Т. 1–4.
5. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
6. *Инжеватов И.К.* Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 264 с.
7. *Корнилов Г.Е., Леонтьева А.А.* Инверсионный «Алфавит чувашских мужских языческих имен» – 1: Словарь. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 100 с.
8. *Корнилов Г.Е.* Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XLII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 245–252.
9. *Магницкий В.К.* Чувашскія языческія имена. Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1905. 101 с.
10. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М.: Восточная литература РАН, 1996. 254 с.
11. Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.
12. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.
13. *Полубояров М.С.* Древности Пензенского края в зеркале топонимики. 2-е изд., доп. и испр. М.: Изд-во ЗАО «ФОН», 2010. 224 с.
14. *Салмин А.К.* Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.
15. *Скворцов М.И.* Этнические названия в чувашской топонимии и антропонимии – I // Диалекты и топонимия Поволжья. Чебоксары, 1977. Вып. 5. С. 51–60.
16. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. М.: Эксмо, 2005. 544 с.
17. Татар теленең диалектологик сүзлеге / СССР Фәннәр Академиясе; Г. Ибраһимов исемендәге тел, әдәбият һәм тарих институты; төз.: Г.К. Якупова, З.Р. Садыкова, Л.Т. Махмутова, Н.Б. Борханова; ред. һ. кереш сүз язучы Л.Т. Махмутова. Казан: Татарстан китап нәшрияте, 1969. 643 б.
18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.
19. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I–II.

20. Эрзянско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебrenникова и др. М.: Рус. яз.; Дигора, 1993. 802 с.
21. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Első kötet. A-Gy. 1142 old. 1967; Második kötet. H-O. 1111 old. 1970; Harmadik kötet. Ö-Zs. 1231 old. 1976. Budapest: Akadémiai kiadó.
22. Eesti etimoloogia-sõnaraamat / Koostanud ja toimrtanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Peatoimetaja Iris Metsmägi. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 s.
23. *Räsänen Martti*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Чебоксары, Россия (gennkorn@rambler.ru).

Gennadiy E. KORNILOV

**ABOUT THE BURTAS AND BURTASONYMS OF PENZA REGION
(historical and ethnological aspect: controversial and indisputable)**

Key words: *Penza Region; Volga Bulgaria; the Burtas; the Hungarians/the Magyars; the Chuvash; burtasonyms on -vis/-is; Bulgarian-Chuvash pagan names, postfixes -mis, -is.*

M.S. Poluboyarov's book "Antiquities of Penza Region in the Mirror of Toponymy" was an event-related comprehensive analysis of the names of "natural-geographical and other landscape objects of Penza region", based "on archival sources of the 17th and 18th centuries", on "allotment books, economic descriptions", "Economic notes to the materials of the Ordnance Survey, cartographic sources of the 18th and 19th centuries" covering the Burtas, the Mordovian, and the Turkic toponymy of "the northern section of the former Wild Field, the Upper Sura, the southeastern part of Meschera and the Upper Trans-Khoper."

Deserving of high praise in general, allowing for subsequent reprints for learners, students, local historians and teachers of humanities, the book, of course, needs to discuss the details, to clarify individual conclusions and statements.

The purpose of the study is to introduce when reading M.S. Poluboyarov's book "Antiquities of Penza Region in the Mirror of Toponymy" some data that escaped from the author and to evaluate individual specific interpretations of the so-called burtasonyms, geographical names, mainly potamonyms left on the map of Penza Region allegedly from the Burtas, a mysterious people about whose origin and fate scientists continue to argue with fervency to this day.

Materials and methods. The main source base of the research was made by historical and geographical data, inventoried by the author of the book "Antiquities of the Penza Region in the Mirror of Toponymy", as well as historical, etymological and onomatological dictionaries, reference books, publications of predecessors. The main method of research is the historical-genetic method, which is expected to involve the historical sources and critical using the results of their consideration by their predecessors; an appeal to the data of reference books and various dictionaries.

Research results. The article establishes the ambiguity of the following statement: The Burtas appellative, semantically close to the term "water, river", is -is, on its basis 22 names developed in Penza region: the Katmis, the Koldais, the Umys, the Chipuris, the Shelemis, the Shuist (from the source of the Sura to Penza); the Kachais, the Kondrais, the Mais, the Old Koldais, the Chais (from the upper reaches to the mouth of the river Inzy); the Katmis, the Kurmys (right tributaries of the Sura River); the Shirokoi (tributary of the Issa River), the Sherkais (Muromka River basin), the Atmis, the Varezhka(!), the Sheldais (upper reaches of the Moksha River), the Atmis (tributary of the Ushinka river in the Burtas river basin), the Kermis, the Pechenvis; in Tambov region: the Big Lomovis, the Kolais. The postfix -is goes back to Hungarian. viiz (in the original viz "water, river"), in which, under the influence of the Tatar language, the anlaut v- was lost, which, however, preserved in two potamonyms: the Lomovis and the Pechenvis.

In fact, in part of the listed names, non-is, but-mis (the Cat-mis, the Shele-mis, the At-mis) or -mis (Kur-mis) is isolated, and the Lomovis allows for a variable division: Lomov-is (surname Lomov) and Lomo-vis (with the assumed -vis<*-viis<*-viis<viz). In addition, the postfix -is forms not only potamonyms, but is also quite widely represented in derived anthroponyms, in particular, only in the dictionary of V.K. Magnitsky "Chuvash pagan names" more than three dozen male "pagan" names of various origins are revealed.

Conclusions. The potamonyms of Penza Region inventoried by M.S. Poluboyarov on -(v) is require additional comparative historical analysis in a broader historical-linguistic and historical-ethnological context.

References

1. Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moscow, 1958–1978, vols. 1–4.
2. Alishina Kh.Ch. *Istoricheskii onomastikon sibirskikh tatar: monografiya* [Historical onomasticon of the Siberian Tatars. Monograph]. Tyumen', Pechatnik Publ., 2016, 576 p.
3. *Atlas mira* [Atlas of the world]. Moscow, 1954.
4. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskago yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Moscow, St. Petersburg, 1911, vol. 1-4.
5. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 355 p.
6. Inzhevatov I.K. *Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR. Nazvaniya naseleennykh punktov. 2-e izd., dop. i ispr.* [Toponymic dictionary of the Mordovian ASSR. Names of settlements. 2nd ed.]. Saransk, Mordovia Publ. House, 1987, 264 p.
7. Kornilov G.E., Leont'eva A.A. *Inverzionnyi «Alfavit chuvashskikh muzhskikh yazycheskikh imen» – 1: Slovar'* [Inversion "Alphabet of Chuvash male pagan names" – 1. Dictionary]. Cheboksary, 2002, 100 p.
8. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komi, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XLII: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms in Volga region republics (Bashkir, Komi, Mari, Mordva, Tatar, Udmurt, Chuvash republics) – XLII: A-names of places]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 245–252.
9. Magnitskiy V.K. *Chuvashskiya yazycheskiya imena* [The Chuvash pagan names]. Kazan, 1905, 101 p.
10. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographic names]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1996, 254 p.
11. *Musul'manskii imena. Slovar'-spravochnik* [The Muslim names. The Reference dictionary]. St. Petersburg, DILYa Publ., 2006, 448 p.
12. Nikonov V.A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, 1965.
13. Poluboyarov M.S. *Drevnosti Penzenskogo kraja v zerkale toponimiki. 2-e izd., dop. i ispr* [Antiquities of the Penza region in the mirror of toponymy. 2nd ed.]. Moscow, Fon Publ., 2010, 224 p.
14. Salmin A.K. *Saviry, bulgary i tyurko-mongoly v istorii chuvashei* [Savirs, Bulgars and Turko-Mongols in the history of the Chuvash]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 296 p.
15. Skvortsov M.I. *Etnicheskie nazvaniya v chuvashskoi toponimii i antroponimii – I* [Ethnic names in Chuvash toponymy and anthroponymy – I]. *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and toponymy of the Volga region]. Cheboksary, 1977, vol. 5, pp. 51–60.
16. Superanskaya A.V. *Slovar' lichnykh imen* [Dictionary of personal names]. Moscow, Eksmo Publ., 2005, 544 p.
17. Makhmutova L.T., ed., Yakupova G.K., Sadykova Z.R., Makhmutova L.T., Borkhanova N.B. *Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, Tatar Publ. House, 1969, 643 p.
18. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian Language. 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987, vol. 1–4.
19. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary Chuvash. 2 vols.]. Cheboksary, 1996, vols. I–II.
20. Serebrennikov B.A. et al., eds. *Erzyan'-ruzon' valks. Erzyansko-russkiy slovar'* [Erzya-Russian Dictionary]. Moscow, 1993, 802 p.
21. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Első kötet. A-Gy. 1142 old. 1967; Második kötet. H-O. 1111 old. 1970; Harmadik kötet. Ö-Zs. 1231 old. 1976. Budapest: Akadémiai kiadó.
22. Eesti etümoloogia-sõnaraamat / Koostanud ja toimitanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Peatoimetaja Iris Metsmägi. Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2012, 792 s.
23. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

GENNADIY E. KORNILOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language and Literature Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (gennkorn@rambler.ru).

Формат цитирования: Корнилов Г.Е. О буртасах и буртасонимах Пензенского края (историко-этнологический аспект: спорное и бесспорное) // Вестник Чувашского университета. 2024. № 3. С. 34–44. DOI: 10.47026/1810-1909-2024-3-34-44.